

84(2=411.2)6-4

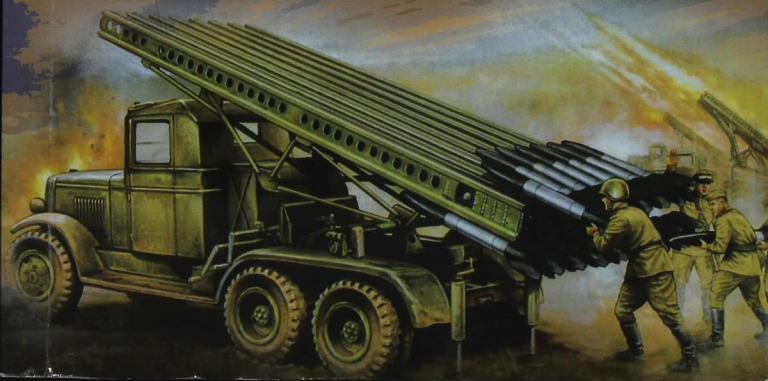
Н19

СА-406611

16+

Борис Назаров

**ПОЗДРАВЛЯЮ С ПОБЕДОЙ
ВСЕХ, КТО СЛЫШАЛ СЛОВО
«СТАЛИНГРАД»!**

БОРИС НАЗАРОВ

ПОЗДРАВЛЯЮ
С ПОБЕДОЙ ВСЕХ,
КТО СЛЫШАЛ СЛОВО
«СТАЛИНГРАД»!

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
2023

СА - 406611

Это было во время Великой Отечественной войны в 1943 году, в день православного праздника Пасхи. Отец как раз дежурил у церкви. В нашем доме проживал тогда немецкий доктор, работавший в госпитале. Придя с работы, он сказал дедушке:

— Сейчас придут наши офицеры. Поэтому прошу, чтобы никто не выходил из комнаты: некоторые из них не любят русских и не желают вас видеть. У нас будет небольшой траур по нашей армии, сдавшейся в плен. Обслуживать буду сам!

Сначала послышался нестройный топот ног входящих на кухню людей. Затем раздался голос доктора:

— Вот здесь я живу! (Видимо, показывая рукой на открытые двери в комнату.)

Другой голос произнёс:

— А за этой дверью кто живёт?

Доктор ответил:

— Там почти нет никого! Они не понимают нашу речь. Нигде не учились...

Застолье длилось всю ночь... И всю ночь я не спал.

Окно в нашей комнате было плотно занавешено. Дедушка, закрывая дверь, оставил щель в два пальца и сел напротив, рядом со мной. Я лежал на постели, в темноте, своей больной головой, покрытой коростой, к двери. Наиболее часто произносимым в беседе словом у немцев, поминающих пленённую армию Паулюса, было непонятное мне — «Сталинград».

Я для дедушки был переводчиком с немецкой речи на русскую и спросил его об этом. Дедушка сначала сказал: «Может, это про нашего Сталина?» Я ответил, что про Сталина ясно, только не понятно. Дедушка шёпотом пояснил:

— Кажется, есть у нас такой город.

Таким образом, мне стало понятно, о чём шла речь. Она сводилась к следующему: большой генерал немецкой армии Паулюс дважды просил разрешения вермахта обойти этот город, как Брест.

Немцы говорили:

— Большие морозы и трудно воевать.
— Одни развалины, разрушенные бомбами и снарядами здания.

— И сколько красноармейцев из развалин выходит!
— Откуда берутся в развалинах красноармейцы?
— Столько красноармейцев застрелено, даже невозможно сосчитать!

— И наших солдат вермахта много полегло.
— Невозможно наступать в окружении. Генерал мог бы улететь один на самолёте.

— Да, видно, побоялся Адольфа Гитлера, который обвинит в том, что он покинул армию.

— А может, нашего шефа СС Мюллера? Стали бы пытаться.
— Эх, с таким мощным вооружением и с таким количеством солдат.

— Их Сталин остался в Москве. А наша группа ожидала его переезда из столицы, хотели схватить и вывезти из Союза... («Схватить» и «Союз» — мне не понятны были слова и дедушке я не успел сказать про Сталина.)

— Только один Паулюс с другой армией смог бы сейчас помочь себе и своей армии вырваться из окружения.

— Теперь русские по радио говорят на весь мир, что пленили немецкую армию во главе с генералом Паулюсом.

— Везёт всё же Жукову!

— Наши разработали новый план и срочно сооружают крепость Манштейна. Надо как можно дальше заманить бронированные машины Красной армии, чтобы в них закончилось горючее.

А стоящие можно с воздуха разбомбить. Они будут наступать по выжженной земле, а наши самолёты будут взрывать их машины с перевозкой горючего. Так план и назван: «Выжженная земля». Мы уже припасли горючее для наших танков.

Я знал, о чём шёл разговор, потому что сам ходил на это место в разведку и видел, как немцы прятали там в землю большие металлические банки, опуская их с помощью наклонённых

квадратных брёвен с дыркой внутри. Отец выругал тогда меня очень сильно. Ребята и девочки, никогда не ходите в самоволку — будете обязательно наказаны!

Беседа, между тем, продолжалась с разным акцентом:

— Пушку белую с длинным стволом установили у речки рядом с мостом. Она незаметна самолётам, летящим со стороны Воронежа, а стрелять может через весь город.

— Но к ней нет снарядов!

В лесу уложенные в штабеля снаряды. Подарок для «Русс-Иванов». Новые, вращающиеся снаряды с мощнейшим взрывом, нарастающей скоростью полёта и очень сильным шумом «Ванюша». Для них направляющих (специальная конструкция в миномёте) нет.

— В блиндаже уложены осколочные снаряды против пехоты, в гильзах специальный быстровоспламеняющийся порох прутковый для дальней стрельбы.

— Отходить будем только ночью, чтобы разведка с самолётов не заметила нас. Оставим только посты, чтобы думали, что мы в городе.

Потом было сказано, что новый укреплённый плацдарм Манштейна находится в Пховке. Или однозвучно — Проволока. Немец как-то так произнёс, что я не понял. Да и он сам наверняка не смог правильно назвать.

Затем немец тихо добавил:

— Название есть на ваших штабных картах, всё уже отмечено.

Дальше говорилось о недовольстве многих генералов тем, что часто меняются высокопоставленные командиры вермахта. А отец потом был очень недоволен мной за то, что я неправильно перевёл название, и что не может местность называться «Проволокой». Никто меня не учил немецким словам, и семь очень длинных слов я так и не понял, но помнил их ещё дней десять. А узнать было не у кого, ведь у доктора не мог я спросить — это значило бы выдать себя. Разговор тем временем шёл с переменчивыми настроениями.

Эх, если бы всё это своевременно передали руководству Красной армии и Жукову при допросе моего отца или раньше, когда отец рассказывал это командиру Красной армии при встрече! Ведь тот командир не позвонил в штаб и не доложил о том, что человек знает примерно, где строится немецкое укрепление. Видимо, все командиры Воронежского фронта были несамостоятельные. Этот ждал приезда комиссара, а тот, видимо, получал инструкцию о том, что делать с нашими пленными: освобождать или расстреливать, или судить — так я думал. Командир выдал временную справку отцу и сказал, что постоянную он получит, когда приедет комиссар, и отец ему всё подробно расскажет, а он его слова проверит (а как он мог проверить укрепление Манштейна?). А то могут и в тюрьму посадить, раз работал у немцев! Отец отвечал, что он, мол, никому ничего плохого не делал, но это он забыл, как дважды ругался с коммунистом. Уверен, что на Курской дуге погибло бы наших бойцов на сотню, а может, и на тысячи меньше, надо было только притормозить наши танки...

Дедушка тихо сказал:

— Не каждый может правильно произнести иностранное слово. Нет карты у нас.

На что отец ответил:

— Жаль, нет сейчас с нами лётчика и водителя — они бы быстро определили место.

Отец с дедушкой укрывали в сарае на чердаке лётчика-комиссара, который приземлился на телеграфные провода на улице Медведовская в городе Острогожске, и водителя с ракетной установки, которая тоже стояла на этой же улице. Отец привёл лётчика с водителем домой, чтобы уберечь их от немцев.

Дедушка спросил лётчика:

— Как вы там воевали? Ведь летают всё только немецкие самолёты, а наших не видеть!

Тот ответил ему:

— Я сделал три или четыре вылета, и то только для ознакомления с местностью. Я ведь не просто лётчик, а лётчик-комиссар!

Нам надо было самим охранять наши самолёты — больше некому! Получать горючее, боеприпасы, раненых провожать до поезда и убитых хоронить... Мин, бомб нам почти не поставляли — даже нашей пехоте нечем было помочь! У немецких самолётов моторы помощней и пулемёты посовременней! Надо, конечно, чтобы самолётов было побольше и машин!

Водитель также добавил:

— Переправа была, да не охранялась, и поэтому немцы быстро её разбомбили. Я бы раз пять-шесть успел съездить на заправку ракет, пока бы немцы вошли в город. Сам видел, как горят немецкие танки!

Я услышал, что отец сказал:

— Немцы перегородили дорогу и даже своих не пропускают — там всё что-то сверкает днём и ночью!

Ну я и пошёл посмотреть. Дойдя до улицы, на которой лежал самолёт, я повернул направо. Чуть дальше была дорога, заросшая бурьяном. Повернул влево, затем пересёк кювет, дорогу и второй кювет. И, глядя вперёд, увидел заграждение из колючей проволоки, хотя отец говорил, что ограды там нет. Проволока свежая, серого цвета, с колючками, и она очень часто натянута на стоящих столбах жёлто-коричневого цвета. За проволокой были видны две большие металлические банки, над которыми нависали квадратные брёвна с дырками.

Меня окликнул часовой, которого я сразу не заметил:

— Собаки заволновались что-то, а тут глянь, ты идёшь! Куда идёшь?

Я махнул рукой, показывая прямо на ограду.

— Видишь — загорожено! Иди обратно, откуда пришёл!

Я повернул вправо. Чуть дальше был кривой столб, и в кювете текла вода из-под мосточка через дорогу. Часовой вновь меня окликнул:

— Туда нельзя, стреляю!

Я услышал металлический звук — понял, что он снял автомат с предохранителя!

Я повернул в его сторону, но он сказал:

— Сюда тоже нельзя, сейчас спущу собак!

Собаки зарычали, и у меня по спине пошли мурашки. Я испугался и повернул назад. Думаю, он не стал стрелять потому, что у него были такие же маленькие дети, или он просто не хотел поднимать шум, останавливая работу. Я тогда уже понимал, что если пуля попадает в тело человека, то он умирает. На дороге я оглянулся и заметил, что ближней банки уже не видно. Перешёл кювет, вышел на тротуар и оглянулся ещё раз — уже вторая банка едва виднелась. А где была первая, теперь торчало бревно, лежал какой-то канат свёрнутый, и блестела отполированная от рук длинная ручка. Словно Ангел подсказал. Уже стало темнеть. Я повернул за угол и услышал разговор взрослой девушки с парнем, идущих по дороге. С правой стороны были какие-то кусты, я скрылся в них и чуть было не закричал от боли — так сильно искололо что-то всё моё тело сквозь рубашку и штаны!

Девушка вопросительно посмотрела в мою сторону:

— Там что-то есть, в кустах?

На что парень ей ответил:

— Так это, может, просто собака!

— Всех собак немцы перестреляли! — убеждённо сказала она и обошла куст стороной.

Когда они ушли, я выбрался из моего укрытия, и снова меня обожгло болью. Идя по тротуару, услышал впереди отдалённые голоса двух тихо переговаривающихся мужчин, идущих посреди дороги. Я остановился за деревом. Когда они прошли, я побежал быстрее домой, думая, что меня уже ищут. Отец сильно меня выругал за то, что я самовольно ходил на улицу.

После отцовского выговора водитель сказал мне:

— Теперь тебя выругали и больше не будут. Успокойся и расскажи нам, что ты видел.

— Свежую ограду, — ответил я, — из серой колючей проволоки, натянутой между гладкими жёлто-коричневыми брёвнами.

— Белые — берёзовые, может, они гладкие? — спросил водитель.

— Нет, не белые.

— У сосны корявая коричневая кора, — сказал отец.

— Нет. Посреди кривое, — настаивал я. — Дальше — металлические банки, которые прятали в землю с квадратными брёвнами с дыркой. Я не заметил немецкого часового с двумя овчарками. Он меня окликнул и велел идти обратно.

— Не бывают брёвна квадратными, — скептически подметил водитель. — Они круглые или овальные.

Не поверил он мне. Неудивительно, ведь не понимал я в том возрасте механизм подъёмной лебёдки. Огорчившись, я подошёл к стоявшему лётчику и вытянулся перед ним, встав на цыпочки и подняв руки вверх, показывая, какие большие были банки.

— Может, это цистерны? — глянул на меня лётчик.

— Не знаю! — ответил я.

— Но ты был там, всё видел, а объяснить не можешь!

Слово «цистерны» тогда я тоже не понимал. Мне не нравилось, что они перебивали меня. Отец повёл их в комнату немецкого доктора слушать радиоприёмник, и мне это почему-то тоже не понравилось. После прослушивания лётчик сказал:

— Бои идут под Москвой, и моё место в самолёте. Что я укрываюсь от врага?!

Словно не слыша его, отец сказал бабушке:

— Пойдём в комнату немца, надо тебе будет сказать, что ты пыль протирала с приёмника и с подоконников, мы никак не можем установить его обратно на нужную волну.

Вернувшись, немец и в самом деле спросил, кто включал приёмник. Бабушка взяла тряпку в руки и показала, что она протирала пыль на приёмнике и на подоконниках. На что он, насупившись, приказал ей:

— Включи приёмник!

— Я не знаю как, я не умею!

Немного помолчав, он сухо добавил:

— Больше в комнату не заходи.

А лётчик потом ещё не раз говорил с отцом. Помню, был такой разговор:

— Иван Васильевич, ты обязательно, как только наши придут, передай знамя с документами нашей лётной части и списки на погибших. Они спрятаны в гильзе из-под снаряда и закопаны в земле, где стояли наши самолёты перед войной, на первой линии, на колхозном поле «Победа». Ты особо своим не верь, ладно вас, взрослых, оставили, но детей должны были первыми эвакуировать, жена твоя четвёртого на руках носит. (Дедушка не слышал этого разговора, так как его не было в комнате.)

На что отец ответил:

— Я был слесарем по ремонту оборудования. Заставляли работать, не считаясь со временем по всему району, чтобы не простаивало оборудование. А руководство завода «МРЗ» для моей семьи места в вагоне не нашло свободного. И ещё заставили отремонтировать водяную насосную установку для заправки паровоза водой на стрелке, которую сам мастер и поломал, перед приходом немцев. А сами уехали.

Как раз в этот момент я вспомнил, что когда бабушка, ещё до прихода немцев, сидела с письмом и плакала, отец сказал:

— Пойдём к твоей матери, бабуле сейчас не до тебя, её сын скончался в госпитале!

Придя к матери, я услышал, как она говорила отцу следующее:

— Вчера видела жену твоего напарника, и она сказала, что ему на работе наказали не брать много вещей, мол, места мало в вагоне.

— Я уже уложила вещи в мешок, думаю, положим под голову, а в две остальные сумки наложила продуктов! Я ей сказала, что моему мужу ничего не говорят!

— Я уже сам об этом говорил с начальником, — отвечал отец. — Раз немцы сейчас ведут бои в Харькове, то, может, самим переезжать подальше? На что мне ответили: «Панику не поднимай. У наших есть ракеты, которых нет у немцев, мы ими все немецкие танки разобьём!» А сами ведь уехали, бросили нашу семью!

Когда отец сказал, что городская власть посылала к врагу разведку, и их не было уже трое суток, в городе стало известно, что немцы евреев и коммунистов расстреливают без суда и следствия. Мысль: «С ними был немец с рацией на спине, но его не пропустили в Харькове». (Я прочитал в какой-то книге, что мы поверили ему, что он не знает куда ехал и зачем — мы его отправили в Воронеж.) От немцев привезли документы и отдали старшему в городе, в которых видимо была инструкция «Как помогать немецкому командованию!» Я думал, что отец расскажет лётчику про то, как городская власть не пропустила в госпиталь состав с ранеными. Но он почему-то этого не сделал. Может, потому что лётчик сказал:

— Отвёл двоих раненых товарищей до поезда. После сам вернулся на свой аэродром и понял, что остался один вместе с неисправными самолётами. Пришлось снимать узел с самолёта. Не забыл и про знамя полка, снял его с древка, сложил с документами и списком погибших в гильзу из-под снаряда, кинул всё в мешок и еле успел на последний уходящий состав. А сошёл как раз на вашей станции и быстрее пошёл к оставленному самолёту без узла. Но сначала закопал гильзу, а затем установил узел и с большим трудом запустил двигатель. Некому было помочь. Прибор показывал малый уровень горючего. Думал, что не хватит до Воронежа дотянуть, но дотянул до самого аэродрома.

Пришла зима. Я почти не гулял во дворе. Как-то услышал, как отец сказал дедушке: «Пригнали лошадей раз из австро-венгерской границы. Лошади сильные, тяжеловесы, ноги толстые и копыта большие, а ростом не особо и под цвет зимы — белые. Привезли длинноствольное орудие. Дедушка сказал: «Ведь раньше говорили ещё старики, что кони были сильные и выдерживали сильных воинов в доспехах». Я постоял во дворе, вроде гуляя, а затем пошёл посмотреть, где лошади стоят с пушкой. На улице Крамского, где ворота в горсад, только в правой стороне и передом к горсаду. Шёл по утопанной

дорожке. Остановился напротив лошадей и думал, как ближе к ним подойти. Впереди был снег. Я присмотрелся и заметил, что рядом с ними в длину проходит квадратная рейка, которая прикреплена на низких столбиках. Подошёл прямо по снегу до рейки и взялся рукой правой за нее, чтобы придержаться, а сам нагнулся, чтобы под лошадиными животами рассмотреть другой ряд лошадей и ствол пушки. Увидел и второй ряд таких же лошадей, и вместо дышла подводы длинный ствол пушки. Лошади были попарно прикреплены ремнями к стволу — по-моему, четыре ряда, я тогда считать не умел, и никто со мной счётом не занимался. Я всё же боялся долго там быть и пошёл домой весь в снегу. Придя домой, я был доволен, что посмотрел таких необычных лошадей, в нашей местности их никогда не было. Гости наши редко заходили в дом. Как-то зашли, и отец им сказал, что привезли пушку с длинным стволом, лошадиными сильными, и, видимо, хотят против Воронежа поставить. Лошадей требуют обратно отправить, там без них нельзя, видимо, в горах. После отец сказал, что пушку куда-то убрали, я её не вижу больше.

Пришла весна. На дворе стало тепло, и постепенно не стало снега. Лётчик просил отца посмотреть то место, где он закопал документы: «Только шума не поднимай, надо бы документы забрать! Да не знаю, как». Зона была чужая, но отец поехал и посмотрел местность — вроде вся ровная, не заметно никаких копаний. И повернул в обратную, увидев рыжего полиция с напарником, подъехал к ним и спросил: «Не видели где волков? Что-то их не стало нигде!». Они отрицательно ответили, но про встречу рассказали коменданту. Комендант спросил отца: «Что ты делал в чужой зоне?». «У меня болен сын коростой; слышал, что это можно вылечить волчьим жиром; вот я хотел найти волков и прийти к вам, попросить винтовку, чтобы подстрелить волка», — ответил отец. Отец рассказал мужчинам, что был на том месте, и местность ровная. Но пришлось встретиться с рыжим с напарником, они сказали коменданту, что видели меня в своей зоне. Коменданту сказал, что ищу

волка для лечения сына. Хорошо, бабушка глянула в окно, увидела идущего офицера к нам и сказала: «Офицер идёт!» Отец: «Наш?» «Нет» — ответила бабушка. Отец осторожно глянул в окно и сказал: «Комендант мой идёт!» И все мужчины, встревоженные, вышли из комнаты; слышу голос отца: «Идите в заднюю комнату доктора и встаньте за дверьми открытыми, — ни под каким видом не выходите!» Я тоже встревожился и не желал видеть немца. Я чувствовал, что отец сильно переживает, но не понял почему. Комендант вошёл в комнату, где я лежал на постели. Перед этим на кухне отец с комендантом говорил и про доктора, который живёт у нас, и что он хороший врач, но от такой болезни нет лекарств. Комендант вынул из своего нагрудного левого кармана губную гармошку, прислонил к моим губам и сказал: «Давай, дуй сильнее, ещё сильнее!» Но у меня не было такой силы, чтобы прозвучала мелодия. Он поднёс к своему рту эту гармошку, у него прозвучала мелодия, и он сказал: «Вот так надо!» Затем спрятал в свой карман гармошку, после чего вынул из кармана маленькую плитку шоколада и протянул мне, но я не взял. Он положил на стол рядом со мной и сказал: «Ладно, потом скушаешь». У меня голова была в нарывах. Он ушёл. Отец пошёл в комнату врача к мужикам. В этот момент я услышал грубый мужской голос: «Где полицай этот живёт? Ишь, какой знатный, что сам комендант без охраны стал к нему приходить!» Бабушка: «Вот дверь его». Он заглянул в комнату, в которой я лежал, и посмотрел на меня, вышел из комнаты и сказал бабушке: «Он, видимо, не по своей воле!» Бабушка: «У него их четверо». Он быстро вышел, и бабушка закрыла кухонную дверь в сенцы. Мысль при виде его промелькнула, что я узнал сразу, по описанию отца, что этот мужчина в солдатской одежде без головного убора, невысокого роста, коренастый, которого отец видел с эсэсовским офицером. Отец, выйдя из комнаты, сказал бабушке: «Кто ещё был? Я слышал, дверь открывалась». Бабушка просто ответила: «Я плотнее прикрыла, чтоб меньше дуло со двора». Я хотел отцу рассказать, но не стал, раз бабушка почему-то не сказала правду, и не знал, что отца называют

полищаем. Дедушка выругал отца, что надо калитку закрывать, чтобы чужие стучали. Отец мне при мужиках сказал: «Забудь все имена и только говори дядя, дядя, дядя был, ушёл дядя, пришёл дядя!» Я понял, что отец боялся, чтобы я случайно не назвал лётчика и водителя при коменданте. Не выдал. Лётчик посоветовал отцу: «Особо не верь своим». Отец лётчику сказал: «Мы переправой почти и не пользовались, только в посевную, в уборочную и, когда лето бывало сухое, стадо коров на пастбище туда отправляли, но плохо было: пока молоко оттуда привозили в город, оно перекисало».

Отец гостей просил их ещё немного задержаться, на два-три месяца, говорил, что скоро наши должны прийти, раз немцев разбили в Сталинграде. Нам это слово, «Сталинград», придало надежду на то, что наша Красная армия придёт и прогонит немцев из города, и будем жить как перед войной! Но лётчик отказался ждать и просил отца помочь ему выйти из города. Тот согласился. Сначала сделал им документы — справки. На рынке продал свой паёк и купил кусок сала и бутылку хорошего вина в подарок. Отец маме тогда правду не сказал — соврал, что оставил на минуту сумку, потом спохватился, а сумки с пайком уже нет! Мама лишь покачала головой и горько сказала, что в грудях нет молока и ребёнку нечем кормить, и что она сама есть хочет! Водитель, было, согласился ещё подождать, но раз лётчик собрался идти, то и он решил идти с ним.

Я проснулся от скрипа двери, услышал голос отца:

— Что ты хотел в комнате делать?

Лётчик ответил:

— Хотел с твоим сыном попрощаться и извинения попросить — он, видно, ещё слов таких не понимает, а мы его обидели!

За дверью послышался голос водителя:

— Мать, дай карандаш и лист бумаги, я напишу расписку, что вы укрывали и кормили меня.

— И мне дайте, и я напишу, — вставил лётчик.

— Вы что надумали? — резко спросил отец. — Если немцы их найдут, всю семью расстреляют, а без этого, может, только меня одного.

В разговор вмешалась бабушка:

— Вон положим за икону, там никто искать не будет!

— Немцы знают, куда прячут дорогие письма с фронта христиане — за иконы! — ответил отец.

Он и сам просил их взять его с собой и помочь ему через реку перебраться, но лётчик сказал:

— Ты нам здесь нужней, ты здесь всё знаешь. Пришлём к тебе пятерых ребят.

— Так я командовать не умею!

— С ними будет и командир! Ты сразу не жди, а так, примерно через недельку, пока я там всё решу.

Через некоторое время лётчик продолжил:

— Две ракеты, как для посадки, и ещё одну вверх — я буду знать, что это ты!

Отец сказал мужикам, чтобы не переиграли, а то постовые сразу всё поймут. Пора уже бриться, зеркала нет — вот маленький кусочек, но ничего, и через него, может, будет видно! Самим не грех было бы выпить вина, конечно, да оно нужно на подарок!

Он довёз их до поста, помог им слезть с подводы и велел держаться за неё, а сам пошёл с подарком на пост. Там сказал примерно следующее:

— Приехали ко мне родственники, вот решил их проводить. И вот вам подарок! Хорошее вино и сало для закуски!

— А у них паспорта есть?

— Нет, у них справки!

— Ну ладно, пусть идут, а ты, будь добр, садись с нами выпить!

Да мне сегодня надо на работу на всю ночь, вот я хотел бы их быстрее до дороги подвезти.

— Ай, ну ладно, вези!

Отец помог мужикам влезть на подводу и довёз их до самого

Коротоякского леса. Там сказал, чтобы в селение Коротояк не заходили, там много переселённых и недовольных советской властью, и они могут выдать. На посту сказал, что довёз до самого леса и показал рукой вдоль леса. Думаю, пока дойдут, протрезвеют.

Когда отец вернулся домой, то радостно сказал дедушке, что до самого Коротоякского леса их довёз. Выходит, рано он обрадовался!

Немец слушал и часто говорил: «Лучший оратор в Германии — Геббельс». Может, я стал понимать немецкую речь потому, что слышал её хорошо при открытых дверях между комнатами? Или просто мой Ангел помогал мне? Я всё думал, почему я в шестилетнем возрасте понимал немецкую речь, ведь я болел лошадиной болезнью? А лошади понимают человеческую речь, только говорить не умеют.

Отец, плача, вспоминал: «Командирский конь меня с полуслова понимал!» Немецкую лошадь он тоже водил за узду и мне говорил, что она не понимает русского языка. А когда перековал ногу, на которую она спотыкалась, так та лошадь сама стала за ним следом ходить, понимая доброту отцовских рук. Меня это очень удивило. Ведь меня никто не учил понятию немецких слов. И очень длинные слова я не понимал — может, и лошади длинные слова не понимают? Вот и пришёл я к выводу, что, болея лошадиной болезнью, я понимал немецкую речь! Как лошадь!

Когда пролетал ночью самолёт, отец подавал сигнал из ракет, но всё впустую. Комендант на следующее утро сказал ему:

— Что-то у тебя кто-то сигналы подаёт ночью. Может, тебе помочь поймать его?

— Нет, — ответил отец. — Я сам. А то поднимется шум, и он скроется!

Отец всю следующую ночь был на том месте, где последний раз подавал сигнал. Смотрел, не появится ли ещё кто. И сам ползал по земле вокруг, чтобы не заметили. А на утро принёс в комендатуру ракетницу и одну ракету, сказав, что, видно,

больше никто не будет сигналы подавать.

Потом был ещё такой разговор отца с дедушкой:

— Говорят, баба мужика немцам сдала.

— Может, это наших ребят сдали? — спросил дедушка.

— Я им не велел в это селение заходить, в Коротояк. Предупредил, что там множество переселенцев были недовольны советской властью!

Позже, работая на заводе «Криогенмаш», я как-то взял газету, вроде, «Советская Россия», и прочитал примерно следующее:

«...Во время оккупации в Коротояке одного местного парня подозвал к себе какой-то незнакомец и сказал, что, дескать, в том дворе вышла женщина и стала дрова рубить, его напарник велел ему оставаться за домом, а сам пошёл с женщиной и стал спрашивать её обо всём, что им надо было. Ну он с женщиной поговорил, стал рубить дрова вместо неё, а она пошла куда-то и привела немцев! Немцы увели его. Надо как-то освободить ведь?»

И незнакомец сказал позвать полицейского! А житель ему в ответ, что полицай вас выдаст немцам, а уж они непременно расстреляют. Но незнакомец ответил, что «и среди полицейских есть хорошие люди». Читая газету, я понял, что это, видимо, говорил водитель, а комиссар пошёл спрашивать у женщины.

А она, наверное, жила с немцами. И вышла, увидев незнакомого, ведь в селении все почти всех знают! Ну парень сходил и привёл полицаю. Они отошли в сторону, и рассказчику не было слышно, о чём они говорили. И в итоге немцы расстреляли их обоих!

Помнится, как-то ещё комендант сказал отцу:

— Прибыл курьер от вашего генерала Власова, который воюет против Сталина. При нём есть документы на транспорт, на продукты и на обмундирование. Надо тебе с ним пойти

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**